

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №5, Том 6 / 2018, No 5, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-5-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN518.pdf>

Статья поступила в редакцию 20.10.2018; опубликована 10.12.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ковалева М.Е. Индивидуально-психологические и психофизиологические предикторы психической дезадаптации у лиц молодого возраста // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №5, <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN518.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kovaleva M.E. (2018). Individual psychological and psycho-physiological predictors mental disadaptation in young people. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 5(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/72PSMN518.pdf> (in Russian)

УДК 159.9.616.89

ГРНТИ 15.21.35

Ковалева Мария Евгеньевна

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава Российской Федерации, Москва, Россия
Младший научный сотрудник
E-mail: kovaleva_me@inbox.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1047-0797>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=868107

Репозиторий Psyjournals.ru: <http://psyjournals.ru/authors/85328.shtml>

Индивидуально-психологические и психофизиологические предикторы психической дезадаптации у лиц молодого возраста

Аннотация. Введение. Проведен анализ степени разработанности проблемы психической дезадаптации в современных литературных источниках. Новизна исследования заключается в комплексном индивидуально-психологическом и психофизиологическом подходе к исследованию психической дезадаптации в условиях моделирования стрессовой нагрузки у лиц молодого возраста.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 72 человека мужского пола молодого возраста. В качестве методов использован блок опросников для оценки индивидуально-психологических особенностей, а также методика биологической обратной связи для регистрации психофизиологических особенностей функционального состояния в ситуации моделирования стрессовой нагрузки. Используются статистические методы: кластеризация методом K-means, однофакторный дисперсионный анализ, множественный регрессионный анализ.

Результаты. Представлены индивидуально-психологические и психофизиологические профили трех групп разного уровня психической дезадаптации. Описаны предикторы психической дезадаптации.

Обсуждение результатов. Существуют значимые отличия для выделенных групп по параметрам тревожности и эмоциональности, чувствительности к опасности, предпочтении физической активности в деятельности, выраженности интеллектуальной эргичности. А также – по психофизиологическим особенностям функционального состояния, характерного для проб без стрессовой нагрузки, а именно: выраженности кожногальванической реакции, альфа и бета

1 индексам электроэнцефалограммы. Полученные данные свидетельствуют о том, что нарушение психической адаптации не всегда будет связано со снижением стрессоустойчивости. К предикторам высокого риска формирования психической дезадаптации относятся: выраженная личностная тревожность, низкие значения стремления к риску, высокие значения интеллектуальной пластичности, низкие значения параметра активации парасимпатической нервной системы после окончания действия стрессора. Кроме этого – комплекс психофизиологических параметров в пробе с произвольной релаксацией, включающий повышение значений индекса кожногальванической реакции, индекса централизации нервной системы, снижение представленности индекса электроэнцефалограммы бета 1.

Выводы. Описаны обобщающие индивидуально-психологические и психофизиологические профили для групп лиц с непатологическим уровнем психической дезадаптации, предполагаемым болезненным уровнем психической дезадаптации, перечислены предикторы высокого риска формирования нервно-психической дезадаптации.

Ключевые слова: психическая дезадаптация; лица молодого возраста; стрессоустойчивость; тревожность; вегетативный баланс; биологическая обратная связь; моделирование стрессовой нагрузки

Введение

Рост числа кризисных и чрезвычайных ситуаций, обусловленных экономическими, социально-политическими, техногенными и другими причинами предъявляют повышенные требования к стрессоустойчивости человека и обуславливают необходимость проведения профилактики нарушений психической дезадаптации и совершенствования ее методов [1]. В концепции «предболезни» [2, 3] к вариантам пограничного состояния психической болезни отнесены также и нарушения психической дезадаптации, главной отличительной чертой которых является отсутствие отчетливых оснований для постановки нозологического диагноза. От болезненных, патологических состояний психическая дезадаптация отличается большей обратимостью, парциальностью клинических проявлений, а также доступностью симптомов к критическому восприятию и контролю с помощью сознания и воли [4].

Противоположным психической адаптации является состояние дезадаптации. Она сопровождается значимым психоэмоциональным и физическим напряжением, провоцирующим формирование психосоматических, а впоследствии и соматических заболеваний [5-9]. Что обуславливает высокую актуальность изучения и конкретизации особенностей состояний психической дезадаптации. Выделяют разные структурные уровни дезадаптации: психофизиологический, психологический и социальный [10].

Разработанность проблемы представлена исследованиями на всех структурных уровнях психической дезадаптации. Показана взаимосвязь ведущих копинг-стратегий и стрессоустойчивости с формированием психологической дезадаптации, как в ситуации адаптации к обучению, так и в трудовой деятельности, в том числе в экстремальных ситуациях [11-15]. Исследована роль высокой личностной и ситуативной тревожности в формировании социальной дезадаптации [16, 17]. Описано влияние социальной дезадаптации на личностный профиль, а именно заострение таких черт как импульсивность, высокая раздражительность, повышенная агрессивность и склонность к жестокими поступкам [18]. Проведены исследования, проясняющие связь психической дезадаптации с личностными чертами [19-21] и с психофизиологическими особенностями [5, 22-30]. Выявлено влияние возрастных изменений ВПФ на психологическую адаптивность и профессиональную надежность в нейропсихологических исследованиях [31-34].

Несмотря на актуальность изучения психической дезадаптации и широкую представленность работ по этой тематике, существует недостаток комплексных исследований психологических и психофизиологических предикторов психической дезадаптации в зависимости от уровня ее выраженности. В связи с эмпирически доказанной сопряженностью возрастных изменений ВПФ с адаптационным потенциалом целесообразно проведение комплексного исследования на выборке лиц молодого возраста, прошедших медицинскую комиссию, для нивелирования фактора возрастных нейропсихологических изменений.

Целью данного исследования было определение индивидуально-психологических и психофизиологических предикторов психической дезадаптации у лиц молодого возраста.

Эмпирической гипотезой исследования было предположение о том, что существуют статистически значимые различия индивидуально-психологических и психофизиологических параметров между группами с различным уровнем психической дезадаптации.

Объект исследования: индивидуально-психологические и психофизиологические особенности психической дезадаптации.

Предмет исследования: индивидуально-психологические и психофизиологические особенности лиц молодого возраста с различным уровнем психической дезадаптации.

Материал и методы

Исследование проведено на группе лиц мужского пола, окончивших 1 курс высшего учебного заведения (72 человека; $M_{\text{возраст}} = 19,1$; $SD = 1,67$). Все участники признаны годными к обучению по состоянию здоровья. Критериями включения в исследование являлись: возраст от 18 до 22 лет, согласие участвовать в исследовании, мужской пол, отсутствие установленного психиатрического диагноза.

Диагностический комплекс состоял из следующих блоков.

Оценка психологических особенностей личности:

1. Тест нервно-психической адаптации И.Н. Гурвича (разработан Гурвичем И.Н., 1992). Психиатрический тест выявляет уровень нервно-психической адаптации путем установления наличия и выраженности у индивида некоторых психиатрических симптомов.
2. Методика ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера.
3. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова, диагностирующий свойства «предметно-деятельностного» (психомоторная и интеллектуальная сферы) и «коммуникативного» аспектов темперамента.
4. Опросник самоконтроля Р. Грасмика (адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2008), диагностирующий особенности самоконтроля как predispositional черты. Содержит шкалы: импульсивность, предпочтение простых задач, стремление к риску, физическая активность, эгоцентризм и раздражительность.
5. Опросник BIS/BAS (Carver C.S., White T.L., 1994, стандартизация Князев Г.Г., Слободская Е.Р., 2007). Позволяет оценить соотношения процессов систем активации поведения (BAS, Behavioral Approach System) и его торможения (BIS, Behavioral Inhibition System), которые имеют различную психофизиологическую основу. Опросник включает следующие шкалы: торможение поведения (BIS);

развлекательная активация (BASf); неспецифическая активация (BASDr); активация, связанная с поощрением (BASR).

Психофизиологический уровень психической адаптации исследовался с помощью разработанного ранее протокола биологической обратной связи (БОС), включающего регистрацию параметров активности центральной и вегетативной нервных систем, связанных с реакцией нервных систем на стресс и дистресс [22, 23].

Методика включает информирование обследуемого о динамике его показателей во время процедуры. В обработку приняты четыре этапа: «исходный фон», «контролируемый этап» «стресс», «итоговый фон». Во время этапа «исходный фон» обследуемый находится в спокойном бодрствовании с открытыми глазами, слушает нейтральную музыку и наблюдает слайды с видами природы. «Контролируемый этап» включает в себя задачу снижения общего пульса (ЧСС) с опорой на график текущих значений ЧСС без дополнительной стресс-стимуляции. Проба «стресс» включает в себя произвольное снижение ЧСС (частоты сердечных сокращений) с опорой на график, отражающий динамику его пульса, в условиях провоцирующей стрессовой нагрузки (громкие, внезапные, негативно социально-окрашенные звуки). Последним этапом регистрировался «итоговый фон», в течение которого обследуемому предъявлялись слайды с изображениями видов природы на фоне нейтральной музыки.

Во время процедуры регистрировались следующие параметры.

Показатели электрокардиограммы (ЭКГ): частота сердечных сокращений (ЧСС), HF (мощность дыхательных сердечных волн 0,15-0,4 Гц), LF (мощность медленных сердечных волн первого порядка 0,04-0,15 Гц), VLF (мощность сердечных волн второго порядка 0,003-0,04 Гц), соотношение LF/HF, общая мощность спектра ЭКГ (ОМ, определяется как сумма HF, LF, VLF), индекс централизации (ИЦ), по формуле $(LF+VLF)/HF$, индекс активации подкорковых нервных центров (ИАП, определяется соотношением VLF/LF), индекс дыхательной асимметрии сердца (ДАС).

Показатели АСВ (амплитуда систолической волны); КГР (кожно-гальваническая реакция). Показатели абсолютной мощности электрической активности головного мозга с затылочного отведения Oz диапазонов: альфа, тета, бета 1, бета 2, показатели указаны в процентном соотношении. Были вычислены показатели, характеризующие динамику показателей (Δ) по формуле: разница между показателями в пробе «исходный фон» и показателем текущей пробы для оценки динамики сдвига функционального состояния.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием критерия Колмогорова-Смирнова, кластерного анализа методом k-means, а также линейного регрессионного анализа. Выявление достоверных различий между кластерами проводилось с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического программного пакета SPSS 20.

Результаты

С целью выделения групп лиц с разным уровнем адаптивности был проведен кластерный анализ k-means на основе шкалы нервно-психической адаптации Гурвича, в связи с тем, что данный тест используется для диагностики состояний дезадаптации в клинике. Было выделено три кластера: центр кластера первой группы (35,8 балла, 6 человек) соответствовал предполагаемому болезненному уровню психической дезадаптации, центр второго (17,7 балла, 23 человека) – непатологическому уровню психической дезадаптации, а третий кластер отличался баллом (5,4 балла, 43 человека), соответствующему совершенно здоровому (адаптированному) состоянию [35].

Для конкретизации психологических и психофизиологических переменных, вносящих значимый вклад в разделение обследуемых по признаку нервно-психической дезадаптации, был использован однофакторный дисперсионный анализ. Использование критерия Колмогорова-Смирнова установило нормальность распределения переменных, что подтверждает правомерность использования параметрических статистических методов. Описательные статистики (значения средних в баллах) представлены на рисунках 1 и 2 только для статистически значимых различий ($p < 0,05$).

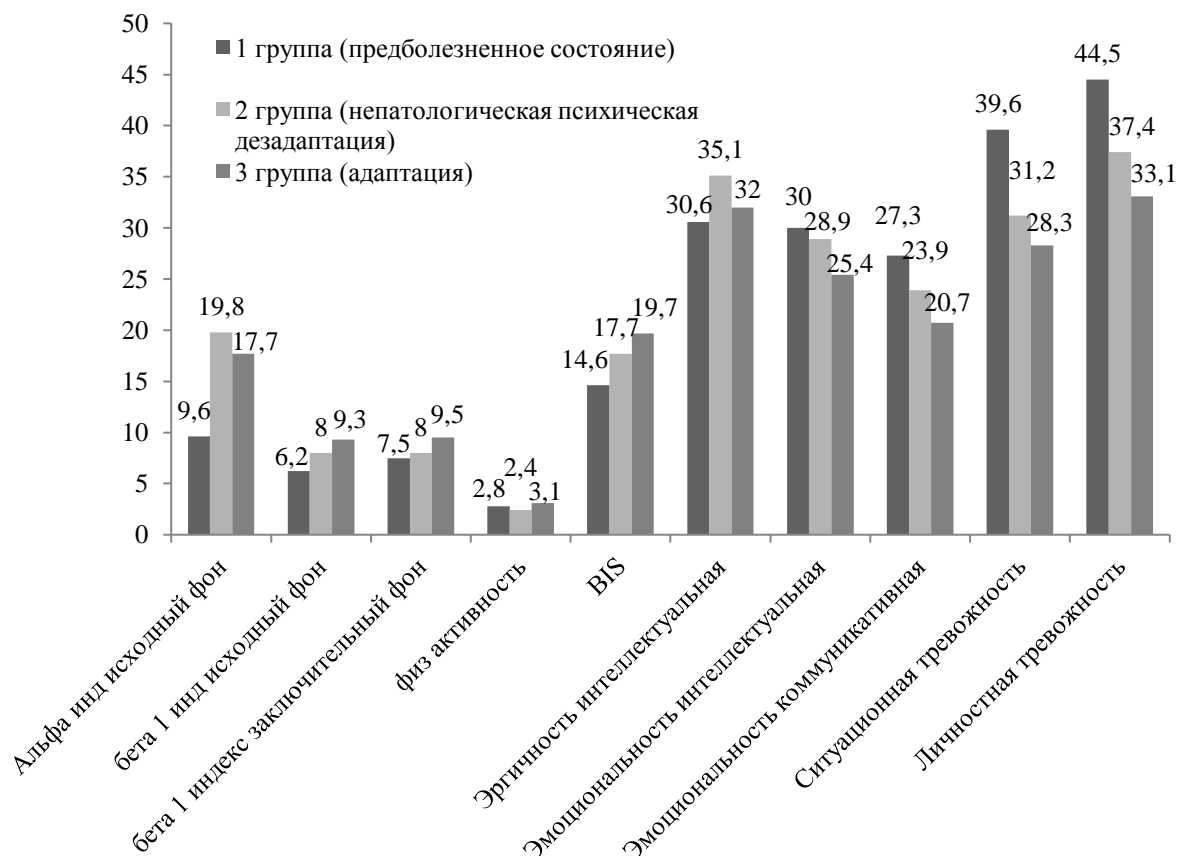

Рисунок 1. Описательная статистика для переменных (значения средних в баллах), значимо отличающих группы с разным уровнем дезадаптации (рисунок автора)

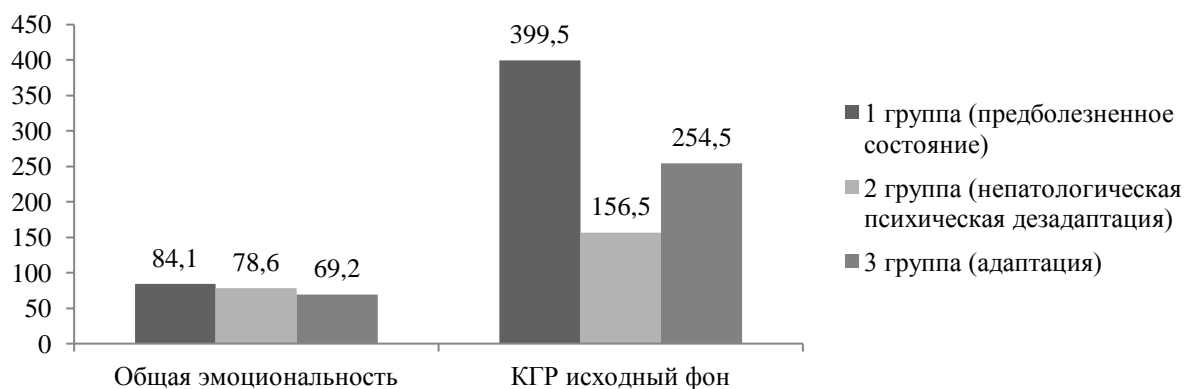

Рисунок 2. Описательная статистика для переменных (значения средних в баллах), значимо отличающих группы с разным уровнем дезадаптации (продолжение) (рисунок автора)

Для выявления предикторов дезадаптации был проведен множественный регрессионный анализ по переменной «уровень нервно-психической дезадаптации».

Таблица 1

**Результаты регрессионного анализа к переменной
«уровень нервно-психической дезадаптации» ($F = -35,930$; $p < 0,009$;
 $R = 0,789$; R -квадрат = $0,622$; скорректированный R -квадрат = $0,574$)**

Предиктор	β	t	p
(Константа)		-2,743	0,009
Личностная тревожность	0,635	5,248	0,000
ИЦ контролируемый этап	-0,420	-4,505	0,000
КГР контролируемый этап Δ	0,297	3,154	0,003
Бета 1 контролируемый этап Δ	-0,207	-2,376	0,022
Стремление к риску	-0,237	-2,775	0,008
НФ итоговый фон	-0,209	-2,231	0,031
Пластичность интеллектуальная	0,219	2,021	0,050

Составлено автором

В таблице 1 представлены переменные, оказывающие наибольшее влияние на уровень нервно-психической дезадаптации: личностная тревожность, стремление к риску, пластичность интеллектуальная, психофизиологические показатели: индекс централизации в этапе произвольной релаксации, а также изменение параметров кожногальванической реакции и бета 1 ритма во время этапа произвольной релаксации.

Обсуждение результатов

Уровень дезадаптации полученных в результате кластеризации групп обследуемых определялась с помощью нормативных показателей опросника И.Н. Гурвича. Более половины выборки составили лица с высоким уровнем адаптации (менее 9 баллов), оставшаяся часть выборки распределилась между непатологическим уровнем психической дезадаптации (до 19 баллов) и предполагаемым болезненным уровнем психической дезадаптации (более 24 баллов). Следует подчеркнуть, что опросник нервно-психической адаптации И.Н. Гурвича диагностирует наличие или отсутствие у обследованной группы именно психиатрических симптомов, характерных расстройств нарушения адаптации. Таким образом, полученные группы классифицировались по степени психической адаптации с точки зрения психического здоровья. В связи с заявленной целью работы – выявление предикторов психической дезадаптации, кластер лиц с высоким уровнем адаптивности в обсуждение не включен.

Лица, вошедшие в выделенные кластеры, значимо отличаются друг от друга выраженностью как ситуационной, так и личностной тревожности, а также такими чертами темперамента, как коммуникативная и интеллектуальная эмоциональность, индекс общей эмоциональности. Нарастание тревожности и эмоциональности в зависимости от выраженности симптомов дезадаптации соответствует описанным ранее данным [16, 17]. Высокая эмоциональность и тревожность сочетаются с низким уровнем нисходящего торможения поведения (шкала BIS), т. е. низкой чувствительностью к опасности и нарушением избегающего поведения.

Группа лиц с непатологической психической дезадаптацией отличалась наиболее низкими показателями переменной предпочтения физической активности в деятельности и выраженной интеллектуальной эргичностью. Что может являться частью компенсаторных механизмов вследствие низкого уровня активированности как центральной нервной системы (ЦНС) (высокий альфа-индекс в исходном фоне), так и вегетативной нервной системы (ВНС) (низкие значения параметра КГР в исходном фоне). Можно предположить, что данный

симптомокомплекс является результатом не только низкой адаптации, но и истощения, так как исследование проведено в конце первого учебного года на студентах технического ВУЗа.

В то же время, группа лиц с предполагаемым болезненным уровнем психической дезадаптации отличается повышенной активированностью как ЦНС (низкий индекс альфа ритма в исходном фоне), так и ВНС (высокие значения КГР в исходном фоне). В исследовании П.Н. Ермакова показано, что высокие значения параметра КГР связаны с переживанием состояния тревоги [36]. Можно предположить, что выраженность таких индивидуально-типологических особенностей, как интеллектуальная и коммуникативная эмоциональность, ситуативная и личностная тревожность и описанные выше психофизиологические отличия у лиц с болезненным уровнем психической дезадаптации вызваны перенапряжением компенсаторных механизмов, и, как следствие, большей выраженности клинических симптомов дезадаптации соматического и аффективного регистров.

Отсутствие различий в функциональной пробе «стресс» между группами лиц с различной выраженностью психической дезадаптации может свидетельствовать об отсутствии связи дезадаптации со стрессоустойчивостью. Что противоречит данным, опубликованным А.А. Безугловой [11], которая обнаружила, что низкая стрессоустойчивость связана с риском формирования дезадаптации. Полученные данные позволяют предположить, что психическая дезадаптация не обязательно будет сопровождаться снижением стрессоустойчивости.

Большая часть различий в психофизиологических параметрах характерна для пробы «исходный фон», что может быть объяснено хронификацией дезадаптивного функционального состояния.

Проведенный множественный регрессионный анализ по переменной «уровень нервно-психической дезадаптации» выявил, что наибольшее вклад в повышение уровня психической дезадаптации оказывает личностная тревожность, что подтверждается и другими исследованиями [16, 17]. Функциональное состояние во время пробы контролируемой релаксации, характеризующееся высоким влиянием ЦНС на функциональное состояние ВНС (ИЦ) с одновременным снижением значений показателя КГР и возрастанием представленности бета ритма, уменьшает риск формирования нервно-психической дезадаптации. Что может быть связано с защитным влиянием навыка произвольной релаксации. Выявлена выраженность активации парасимпатической нервной системы (НФ) в исходном фоне во время нормализации состояния после стрессовой нагрузки также оказывает защитное влияние, что согласуется с данными зарубежной литературы о протективном влиянии парасимпатической нервной системы при риске формирования посттравматического стрессового синдрома [37]. К числу факторов, снижающих риск формирования состояний дезадаптации, относится также низкий уровень склонности к риску. Можно предположить, что такая индивидуально-психологическая черта снижает общее количество стрессовых воздействий. В тоже время, повышение интеллектуальной пластичности может оказаться частью компенсаторных механизмов у лиц в состоянии психической дезадаптации.

Таким образом, выявленные закономерности позволяют предположить, что состояние психической дезадаптации не всегда будет связано с низкой стрессоустойчивостью, а также сопровождается хронификацией дезадаптивного функционального состояния.

Небольшой объем группы болезненного уровня психической дезадаптации (6 человек) является ограничением исследования. Экстраполяция полученных взаимосвязей должна быть ограничена мужской частью популяции, лиц молодого возраста.

Выводы

1. Выявлены индивидуально-психологические и психофизиологические предикторы психической дезадаптации у лиц молодого возраста.
2. Предикторами высокого риска формирования психической дезадаптации являются: выраженность личностной тревожности, интеллектуальной пластичности, низкие значения стремления к риску, низкая представленность активности парасимпатической нервной системы в нормализации состояния после воздействия стрессоров, а также такие особенности функционального состояния в пробе произвольной релаксации как повышение значений кожногальванической реакции, снижение индекса централизации нервной системы, а также индекса корковой активности бета 1.
3. Значимый вклад в отнесение в группу лиц с непатологической психической дезадаптацией вносят такие индивидуально-психологические характеристики как: низкая выраженность предпочтения физической активности в деятельности, высокие показатели интеллектуальной эргичности, средние показатели индекса общей эмоциональности, в том числе интеллектуальной и коммуникативной эмоциональностей, ситуативной и личностной тревожности и средняя выраженность чувствительности к опасности; а также психофизиологические параметры, характерные для пробы «исходный фон»: высокий индекс альфа ритма, средняя выраженность бета 1 ритма, а также низкие значения показателя кожногальванической реакции.
4. Значимый вклад в отнесение в группу лиц с предполагаемым болезненным уровнем психической дезадаптацией вносят такие индивидуально-психологические характеристики как: средняя выраженность предпочтения физической активности в деятельности, низкие показатели интеллектуальной эргичности, высокие показатели индекса общей эмоциональности, в том числе интеллектуальной и коммуникативной эмоциональностей, ситуативной и личностной тревожности и низкая выраженность чувствительности к опасности; а также психофизиологические параметры, характерные для пробы «исходный фон»: низкий индекс альфа ритма, низкий индекс бета 1 ритма, а также высокие значения показателя кожногальванической реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадис Л.Р. Донозологическая диагностика в практике медико-психологического обследования подростков, находящихся в условиях социальной изоляции [Текст] // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2015. – № 178. – С. 69-75.
2. Семичов С.Б. Предболезненные психические расстройства. [Текст] // Медицина, 1987. – 171 с.
3. Снедкова Е.В. Понятия здоровья и болезни в психиатрии. Предпатологические состояния психической деятельности и предболезненные психические расстройства. [Текст]: учебное пособие. – СПб.: Издательство ГБОУ ВПО СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2012. – 36 с.
4. Шамрей В.К. Психиатрия войн и катастроф [Текст]: учебное пособие. – СПб.: Издательство СпецЛит, 2015. – 117 с.
5. Булгакова О.С. Состояние медицины: социальная и психофизиологическая дезадаптация [Текст] // Журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – Т.10. – № 1. С. 82-86.

6. Мякишева Ю.В., Алешина Ю.А., Федосейкина И.В. [и др.] Способы изучения и оптимизации адаптации студентов-первокурсников к вузовской системе образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. [Электронный ресурс] – 2017. – Т. 6. – № 2. С. 269-273. Режим доступа: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=11666> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
7. Garen M., van der Kolk B.A., Hamlin E., Hirshberg L., Suvak M., Spinazzola J. A Pilot Study of Neurofeedback for Chronic PTSD // Applied psychophysiology and biofeedback. – 2016. – Vol. 41 – № 3. – Pp. 251-261. doi: 10.1007/s10484-015-9326-5.
8. Hernando A., Lazaro J., Gil E., Arza A., Garzon J.M., Lopez-Anton R., de la Camara C., Laguna P., Aguilo J., Bailon R. Inclusion of Respiratory Frequency Information in Heart Rate Variability Analysis for Stress Assessment // IEEE journal of biomedical and health informatics. – 2016. – Vol. 20 – Vol. 4. – Pp. 1016-1025. DOI: 10.3390/app7030221.
9. McAusland L., Addington J. Biofeedback to treat anxiety in young people at clinical high risk for developing psychosis // Early Interv Psychiatry. – 2016. – Aug 29. doi: 10.1111/eip.12368.
10. Аблахад Х.В. Медикопсихологические аспекты нарушения психической адаптации эмигрантов на материале изучения эмигрантов из Ирака в Швецию [Текст] // Дис. канд. психол. наук. – Спб., 2000.
11. Безуглова А.А., Васильева О.С., Правдина Л.Р. Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными стратегиями совладающего поведения // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 4. С. 108-204. DOI: <http://dx.doi.org/10.21702/rpj.2017.4.6> [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/495> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
12. Петрова С.М., Леонтьева М.М. Механизмы защиты и копинг-стратегии иностранных студентов в процессе их адаптации в ВУЗе [Текст] // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. С. 333-338.
13. Гущина К.А. Школьная дезадаптация как трудная жизненная ситуация, требующая совладающего поведения [Текст] // Вопросы науки и образования. – 2017. – № 6 (7). – С. 155-159.
14. Грачева Л.В., Сергеев В.А. Нервно-психические нарушения и социально-психологическая дезадаптация у лиц с боевым стрессом в анамнезе [Текст] // В сборнике: общественное психическое здоровье: настоящее и будущее. Сборник материалов VI Национального конгресса по социальной психиатрии и наркологии. – 2016. – С. 101-102.
15. Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика в профилактике нарушений психической адаптации: постановка проблемы и примеры исследований [Текст] // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы. Коллективная монография. С. 207-222.

16. Краснова В.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация // Психолого-педагогические исследования. – 2011. – № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/39944/psyedu_ru_2011_1_Krasnova_Holmogorova.pdf свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
17. Макшанцева Л.В., Луцкова Е.А. Определение взаимосвязи уровня тревожности и адаптивности подростков [Текст] // Системная психология и социология. – 2014. – № 4 (12). – С. 74-81.
18. Гутнов Г.О. Критическая дезадаптация, маскированная депрессия и патологические изменения личности у потерпевших в несчастных случаях. [Текст] // Акмеология. – 2015. – № 3 (55). – С. 64-66.
19. Мамедова С.В., Бура Л.В. Дезадаптация как проблема социализации личности в обществе [Текст] // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2017. – № 4 (10). – С. 102-106.
20. Глебов В.В., Суворова И.Ю. Социальная эксклюзия и психическая дезадаптация личности [Текст] // В сборнике: Актуальные вопросы психологии здоровья и психосоматики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.М. Муталимовой. – 2017. – С. 405-412.
21. Алединова Ф.Д., Жихарева Л.В. Проблемы социальной дезадаптации личности в подростковом возрасте [Текст] // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 3 (20). – С. 66-71.
22. Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические особенности регуляции эмоциональных реакций у специалистов опасных профессий // Психология и право. – 2017. – Т. 7 – № 1. – С. 53-67. doi:10.17759/psylaw.2017070105 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/85404/psyandlaw_2017_1_Kovaleva_Bulygina.pdf свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
23. Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих) // Психология и право. – 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 137-150. doi: 10.17759/psylaw.2017070411 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/88682/psyandlaw_2017_4_Kovaleva_Bulygina.pdf свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
24. Финогенко Е.И. Вегетативные нарушения как критерий дезадаптивных состояний студентов вуза [Текст] // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 4 (99). – С. 341-345.
25. Тюрин А.А. Психофизиологические характеристики военнослужащих с разным уровнем адаптации [Текст] // Дисс. канд. психолог. наук. – Санкт-Петербург, 2011.
26. Сейфулина Г.В. «Цена» психофизиологической адаптации организма человека к условиям профессиональной деятельности [Текст] // Прикладная психология и психоанализ. – 2016. – № 3.– С. 4.
27. Алешина Ю.А. Гигиеническое и психофизиологическое обоснование процесса адаптации студентов-первокурсников к вузовской системе [Текст] // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 1-2. – С. 254-257.

28. Грищенко Г.В., Бондар Т. Психофизиология адаптации и реабилитации личности [Текст] // Сборник: Общество и экономика постсоветского пространства. Липецк. – 2017. – С. 34-40.
29. Lin F., Ren P., Cotton K., Porsteinsson A., Mapstone M., Heffner K.L. Mental Fatigability and Heart Rate Variability in Mild Cognitive Impairment // The American journal of geriatric psychiatry: official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry. – 2016 – Vol. 24 – № 5. – Pp. 374-378. doi: 10.1016/j.jagp.2015.12.012.
30. Porges S.W. The polyvagal theory: phylogenetic contributions to social behavior // Physiology and Behavior. – 2003. – Vol. 79. – № 3. – Pp. 503-513. DOI: 10.1016/S0031-9384(03)00156-2.
31. Котельникова Д.А., Проничева М.М., Васильченко А.С., Кабанова Т.Н. Нейропсихологический профиль высших психических функций в период ранней и средней взрослости: адаптационный потенциал и профессиональная надежность [Текст] // Психическое здоровье. – 2018. – № 5. – С. 56-62.
32. Котельникова Д.А., Проничева М.М., Васильченко А.С. Возрастная динамика высших психических функций у сотрудников силовых структур // Психология и право. – Т. 8. – № 2. – С. 50-60. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/93368/psyandlaw_2018_2_Kotelnikova_Pronicheva_Vasilchenko.pdf свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
33. Daum I., Schugens M.M. Memory dysfunction of the frontal in normal aging // New York Report. – 1996. – № 7. DOI:10.1177/2040622311399145.
34. Stern Y., Scarmeas N., Habeck C. Imaging Cognitive Reserve // International Journal of Psychology. – 2004. – Vol. 39. – № 1. DOI:10.1080/00207590344000259.
35. Гурвич И.Н. Тест нервно-психической адаптации [Текст] // Вестник гипнологии и психотерапии. – 1992. – № 3. – С. 46-53.
36. Ермаков П.Н., Воробьева В.Л., Яцык Г.Г. Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 156-168. DOI: <http://dx.doi.org/10.21702/rpj.2016.2.12> [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/616> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
37. Meyer T., Albrecht J., Bornschein G., Sachsse U., Herrmann-Lingen C. Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Patients Exhibit a Blunted Parasympathetic Response to an Emotional Stressor // Appl Psychophysiol Biofeedback. – 2016 Aug 4.

Kovaleva Mariya Evgenevna

«V.P. Serbsky national medical research centre of psychiatry and narcology»
of the Ministry of health of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: kovaleva_me@inbox.ru

Individual psychological and psycho-physiological predictors mental disadaptation in young people

Abstract. Introduction. The analysis of the degree of development of the problem of mental maladjustment in modern literary sources was performed. The novelty of the research lies in the complex individual psychological and psycho-physiological approach to the study of mental maladjustment in terms of modeling stress load in young people.

Material and methods. The study involved 72 men of young age. As methods used unit questionnaires to assess individual psychological characteristics and biofeedback technique for the registration of psycho-physiological characteristics of functional state in situations were covered modeling of stress load. Statistical methods were used: K-means clustering, univariate analysis of variance, multiple regression analysis.

Results. Individual psychological and psychophysiological profiles of three groups of different levels of mental maladjustment are presented. The predictors of mental maladaptation are described.

The discussion of the results. There are significant differences for the selected groups in terms of anxiety and emotionality, sensitivity to danger, preference for physical activity in activities, severity of intellectual ergichnost. And also – according to the psychophysiological features of the functional state, characteristic of samples without stress load, namely: the severity of the skin-galvanic reaction, alpha and beta 1 to the indices of the electroencephalogram. The findings suggest that a violation of mental adaptation will not always be associated with a decrease in stress resistance. The predictors of a high risk of mental disadaptation are: pronounced personal anxiety, low values of the desire for risk, high values of intellectual plasticity, low values of the activation parameter of the parasympathetic nervous system after the end of the action of the stressor. In addition, there is a complex of psychophysiological parameters in the sample with an arbitrary relaxation, including an increase in the values of the skin-galvanic response index, an index of centralization of the nervous system, a decrease in the representation of the electroencephalogram of beta-1 index.

Conclusions. Generalized individual psychological and psychophysiological profiles for groups of people with a non-pathological level of mental maladjustment, an estimated painful level of mental maladjustment are described, and predictors of a high risk of neuropsychic maladaptation are listed.

Keywords: mental maladjustment; young people; stress-resistance; anxiety; vegetative balance; biofeedback; modeling stress